

В. В. Попов, И. А. Астахова, А. Н. Черашева

ИНФОРМАЦИОННЫЙ СТАТУС ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДОЗВОЛЕНИЯ

Вопреки распространенным в юридической науке определениям права человека нельзя относить к возможностям — высказываниям с алетическими модальностями. «Компромиссное» отнесение прав человека к «деонтическим возможностям» нецелесообразно в силу нарушения принципа однозначности именованности, неоправданности изменения значения и смысла специальной научной терминологии, а также создания видимости взаимоопределимости алетических и деонтических модальностей.

Наделение прав человека информационным статусом «разрешение» выявляет ряд существенных проблем. Такой аналитически задаваемый элемент любой нормы, как авторитет (создатель нормы), особенно значим в контексте рассуждения о юридических дозволениях. Однако именно вопрос о создателе дозволения конфликтует в светских концепциях прав человека с идеей неотчуждаемости данных прав человека, их естественности и неотъемлемости.

Применительно к отрицанию разрешения требуется оговорка относительно варианта его толкования. С учетом вариантов толкования мы получаем шесть значений высказывания «не разрешено (некое поведение)». Отрицание нормативного оператора при взаимоопределении разрешений с обязанностями и запретами порождает следующую формулировку принципа деонтической полноты: «всякое поведение или запрещено или обязательно, или (нормативно) безразлично». Данная формулировка является основой для понимания различных видов правовых режимов.

Ключевые слова: права человека, субъективные права, юридическое разрешение, деонтическая возможность, принцип деонтической полноты.

V. V. Popov, I. A. Astakhova, A. N. Cherasheva

INFORMATIVE STATUS OF HUMAN RIGHTS: THE PROBLEM OF NORMATIVENESS OF LEGAL PERMISSION

Despite of the definitions of human rights commonly used in the legal science it's not reasonable to relate them to possibilities — statements with alethic modality. The compromise relation of human rights to deontic possibilities is unreasonable due to violation of the principle of monosemanticity of the notion, unjustified changing of the meaning and sense of special scientific terminology, as well as creation of illusion of semblance of interidentifying alethic and deontic modality.

Attribution of the informative status of “permission” to the human rights reveals a number of problems. Analytically created element of any norm such as an authority (developer of the norm) is particularly important in the context of arguing about legal permissions. But in secular concepts of human rights discussions of the person creating permission comes into conflict with the idea of human rights which can't be granted, which are natural and inherent.

Considering denial of permission we should comment on the variant of its interpretation. Analyzing existing variants we get 6 meanings of the statement “not allowed (some type of behavior)”. The denial of normative operator in defining permissions, obligations and prohibitions creates the following definition of the principle of deontic fullness: “each type of behavior is either prohibited, or obligatory, or (in the context of normative regulation) neutral”. The given definition provides the basis for specific understanding of different types of legal regimes.

Keywords: human rights, subjective rights, legal permission, deontic possibility, the principle of deontic fullness.

В серии ранее опубликованных в настоящем журнале статей рассматривается проблематика информационного статуса прав человека в контексте решения вопроса о допустимости признания их естественности.

Понимание прав человека как информации описывающего характера позволяет сформулировать некоторые предпосылки естественности определенных аспектов их происхождения, однако порождает проблему связи описаний с прескриптивными высказываниями.

При рассмотрении прав человека как неких возможностей мы приходим к выводу о том, что хотя такое понимание и является весьма распространенным и, вероятно, допустимым как максимум в обыденном словоупотреблении, но с точки зрения научной строгости его нельзя считать приемлемым. Это неприемлемо как в силу специфики понимания возможности в контексте алетической логики, так и в силу проблематичности связи возможности с поведением и субъектом поведения в контексте рассмотрения именно прав человека.

Вместе с тем возможности часто отождествляются с разрешениями, причем как неявно, так и явно, когда делается оговорка относительно того, что возможность понимается особым образом (как деонтическая, юридическая возможность). Более того, ученые-юристы часто отождествляют разрешение и возможности, говоря не только о собственно юридических дозволениях в субъективных правах, но описывая вообще любые социальные нормы [1, с. 323].

Если исходить из некой конвенциональности и уточнять, что речь идет о «деонтической возможности», то такое понимание прав человека допустимо, хотя и нецелесообразно, по ряду причин.

Во-первых, происходит умножение научной терминологии (нарушение принципа однозначности именованности).

Во-вторых, в качестве синонимичного используется специально научный термин со строго определенными и при этом иными (чем у разрешения) значениями и смыслом.

В-третьих, создается иллюзия взаимоопределимости алетических и деонтических модальностей, что, вероятно, идеологически привлекательно при попытке обоснования естественности происхождения прав человека, но недопустимо с научной точки зрения.

Если же не признавать за правами человека характера неких возможностей, то мы приходим к двум важным выводам.

Первый заключается в том, что, поскольку свободу также весьма часто отождествляют с особым рода возможностью, что также

недопустимо, по крайней мере, в социально-регулятивном контексте, то связь прав человека со свободой в данном ключе нельзя считать установленной.

Однако поскольку понимание свободы как возможности не является единственно допустимым и, более того, правильным, то это также не отрицает связи прав человека и свободы при иных вариантах понимания свободы.

Второй вывод заключается в том, что и связь прав человека с субъективными правами нельзя считать установленной, поскольку ни те, ни другие не являются возможностями с точки зрения строгости употребления специальной научной терминологии.

Однако сам факт неприемлемости характеристики прав человека через возможности не отрицает их связи с субъективными правами.

Если все же пытаться установить связь прав человека со свободой и с субъективными правами, то следует найти логические основания подобной связи без использования такой алетической модальности, как «возможность».

Как несложно заметить, субъективные права довольно часто явным образом описываются через разрешения. При этом распространенным является признание не только сходства прав человека и субъективных прав, но даже рассмотрение прав человека как разновидности субъективных прав, например, Е. А. Лукашева указывает, что «Права человека — это субъективные права...» [2, с. 94].

В связи с приведенными доводами вполне последовательным выглядит анализ прав человека именно как неких разрешений хотя бы в самом общем плане, на уровне информационного статуса в качестве неких дозволений, разрешений.

Следует заметить, что, несмотря на кажущуюся очевидность, понимание именно прав человека через разрешение не является распространенным в силу ряда основополагающих идей, заложенных в концепцию прав человека. В частности, одной из таких идей является признание прав человека неоткрырованными, т. е. не жалованные монархом, не данные человеку государством. Подход же к правам человека как к неким разрешениям эту идею ставит под сомнение. Причем это происходит не только на уровне правовой психологии обыденного правосознания. Конфликт с идеей неоткрытости может происходить и в сфере правовой идеологии на

уровне доктринального правосознания. Причина кроется в том, что социальные нормы обладают таким структурным элементом, как авторитет. Конечно, следует сделать два уточнения. Во-первых, в юридической науке такой элемент не принято считать структурным элементом нормы. Во-вторых, хотя такой элемент явным образом признается в деонтической логике, но при записи норм на символическом языке нет указания на авторитеты разных норм.

Причина этого довольно проста. В юриспруденции такой авторитет назван субъектом правотворчества. А в деонтической логике при записи норм для исследования их логической формы происходит абстрагирование от содержания предписываемого поведения, от адресата предписания, от субъекта нормотворчества. Иными словами, предполагается для данного исчисления, что записываемые нормы принадлежат одному и тому же авторитету, т. е. авторитет не упоминается, но предполагается аналитически.

Итак, если разрешение относить к сфере нормативного регулирования, если аналитическим элементом любой нормы и, разумеется, нормы права считать авторитет, которым является создатель нормы, то мы неизбежно приходим к выводу о том, что кто-то дает это разрешение.

Данное положение и входит в противоречие с идеей о том, что права человека принадлежат ему от рождения, проявляя так свое естество. Исключением является теологическое направление идей о правах человека, выраженное, например, риторическим вопросом «ангельского доктора» (Ф. Аквинского) «кто как не Бог вписал естественное право в сердца людей?».

Итак, если мы остаемся на платформе светских представлений о правах человека, то это вызывает некоторые неудобства в использовании нормативной модальности «разрешено» при определении информационного статуса прав человека.

Однако, как нетрудно заметить, именно вопрос о создателе нормы, о том, от кого исходит разрешение, т. е. проблема откровенности еще раз обнажает существенную проблему использования алетической модальности («возможно») при определении информационного статуса прав человека. Столь почитаемая многими возможность, через которую и

определяют права человека, как раз и призвана показать: права человека — это не чье-то разрешение. Это (якобы) некая возможность, принадлежащая человеку по факту рождения. Разрешение вынуждает искать авторитет, власть, дающую разрешение. Возможность освобождает от этого.

Да, нельзя не признать огромное идеологическое удобство подобной формулы. Тем более что на возможности достаточно явно некий «отсвет» объективности. Поскольку возможность взаимоотношима с необходимостью, а необходимость, отражая законы логики или законы природы, выражает объективность, например, бытия явления или причинных связей дедуктивно-номологического характера. Это порождает некий соблазн заменить субъективизм разрешения на объективизм возможности. А такая замена дает прекрасное основание для определенных аспектов естественности, неотчуждаемости, неоткровенности прав человека. Естественность возможности смотрится гораздо выигрышнее естественности разрешения.

Но данное удобство является кажущимся, поскольку мы приходим к противоречию идеологической целесообразности с научной строгостью исследования, что ведет к потере предмета правовой науки.

Однако это не единственная проблема, порождаемая пониманием прав человека как дозволений. Если говорить о разрешениях и устанавливать его системные связи в узком контексте — с иными нормативными модальностями, то мы получим весьма любопытное сочетание. «Разрешено (поведение А) означает, что «не запрещено (поведение А)» и «не обязательно (поведение А)». По сути дела, разрешение выражает отсутствие нормативных операторов — «нет запрета» и «нет обязанности», что более подробно рассматривалось автором в более ранних публикациях.

Но что следует из указанной взаимоотношимости, кроме получения описывающих высказываний («нет запрета» и «нет обязанности») вместо предписаний? По сути дела, мы выходим на следующую формулировку принципа деонтической полноты: «всякое поведение является или обязательным, или запрещенным, или безразличным». В определенном смысле то же самое можно было бы его сформулировать иначе: «всякое поведение

является или обязательным, или запрещенным, или разрешенным», поскольку при нормативной безразличности, при отсутствии правового регулирования называть некое поведение **разрешенным** можно с таким же успехом, как и **неразрешенным** (т. е. мы будем описывать то, что отсутствует правовое регулирование в виде разрешения).

Однако подобная формулировка принципа деонтической полноты могла бы быть двусмысленно истолкована в юридической сфере применительно к оценке правомерности поведения. Поскольку в юриспруденции чаще принято считать, что юридически разрешенное, дозволенное поведение является правомерным, т. е. разрешение предполагается имеющим нормативный характер, то подобное обыкновение предполагает истолкование принципа деонтической полноты абсолютным образом — вообще любое поведение стало бы юридически значимым (разрешенным, обязательным или запрещенным). Думается, что подобное расширение сферы правового регулирования не отвечает реальному положению вещей.

Таким образом, мы находим наиболее уместным для понимания значения разрешения такое толкование принципа деонтической полноты «всякое поведение или запрещено, или обязательно, или (нормативно) безразлично», что, если и делать подобную формулировку тождественной вышеприводимой («всякое поведение является или обязательным, или запрещенным, или разрешенным»), то исключительно в том смысле, что разрешение не признается нормативным оператором.

Поведение нормативно безразличное, в частности, поведение вне пределов нормативно-правового регулирования, можно выразить лишь через нормы de dicto (высказывания о нормах), так как мы ничего не предписываем (не регулируем). Поэтому более корректно утверждение, что нормативно безразличное поведение **не разрешено** в том смысле, что **отсутствует его регулирование** в форме разрешения (а также в форме запрета и обязывания), т. е. такое поведение не разрешено, не обязательно и не запрещено.

Применительно к отрицанию разрешения нам требуется оговорка относительно варианта его толкования. Именно в этом смысле мы и приходим к парадоксальному, на первый взгляд

выводу о том, что выражение **«не разрешено А»** можно понимать совершенно различно: как **«запрещено А»** (при предписании) и как **«не запрещено А»** (при описании).

По-другому это различие с определенной долей условности выражается следующими языковыми формами: **«не разрешаю»** («Не разрешено А» de re) и **«нет разрешения»** («Не разрешено А» de dicto).

Но следует понимать, что «нет разрешения» может **описывать** как **наличие** нормы de re (описание того, что авторитет «не разрешает»), так и **отсутствие** нормы de re — отсутствие нормативного (правового) регулирования, т. е. быть элементом такого полного высказывания, как «нет разрешения, и нет обязывания, и нет запрета» («нет ни разрешения, ни обязывания, ни запрета»).

Кроме того, если говорить о норме de re применительно к высказыванию «не разрешаю» как минимум в правовом контексте, то его можно понимать как схематическое выражение предписания общего характера (норму права), а также в буквальном смысле — как правоприменительное индивидуальное правовое предписание («разрешите обратиться/идти/войти и т. д.? — Не разрешаю»).

Таким образом, мы получаем **как минимум шесть** вариантов интерпретации высказывания **«не разрешено»** — два предписания и четыре описания. А именно:

А) предписание № 1 как предписание общего характера (норма de re) — «не разрешено А», т. е. «запрещено А»;

Б) предписание № 2 как индивидуальное предписание (de re) — «не разрешено А» («не разрешаю А»), т. е. «запрещено А» («запрещаю А»);

В) норма de dicto как описание **наличия** предписания № 1 — «(известно, что) не разрешено А», т. е. «(известно, что) запрещено А»;

Г) индивидуальное предписание de dicto как описание **наличия** предписания № 2 — «(известно, что) не разрешает А», т. е. «(известно, что) запретил А»;

Д) норма de dicto как описание **отсутствия** предписания № 1 — «(известно, что) нет ни разрешения, ни запрета, ни обязанности А», т. е. отсутствует предписание (норма de re) в отношении поведения А;

Е) индивидуальное предписание de dicto как описание **отсутствия** предписания № 2 —

«(известно, что) нет ни разрешения, ни запрета, ни обязанности А», т. е. «(известно, что) не разрешил, не запретил, не обязал А», т. е. отсутствует индивидуальное предписание в отношении поведения А.

Вместе с тем, поскольку в последнем варианте («Е») речь идет об описании отсутствия предписания, индивидуализирующего общее предписание (норму *de re* как в варианте «А»), то данный вариант имеет практическое воплощение лишь совместно с реализацией варианта «Д» (отсутствием нормы *de re*).

Однако отмеченный дуализм в понимании неразрешения подталкивает нас к еще одному вопросу. Если мы делаем оговорку относительно возможности прескриптивного толкования отрицания разрешения (хотя это звучит несколько противоречиво), то нельзя ли сделать подобную оговорку также относительно запретов и обязанностей? Положительный ответ окажется очень значимым в силу того, что потеряют свою значимость истинностные значения отрицания запретов и обязанностей. А ведь именно значение **«ложно»** для **описания** наличия указанных запретов и обязываний не позволило нам говорить о регулятивных свойствах разрешения при его взаимоопределимости с запретами и долженствованием.

Однако подобный ход мысли не может не вызывать вопроса о границах использования оговорок такого рода в научном поиске. Ведь действительно, вводя подобные оговорки, можно нивелировать различие между любыми, самыми не похожими друг на друга по своей логической природе высказываниями, что вряд ли соответствует методологии научного поиска.

В данной связи думается, что чрезмерное расширение границ оговорок подобно расширению исключений из правила до фактической отмены правила. Если вести речь о разрешении, то думается, что исключительность оговорки продиктована некоей неясностью в уяснении некоторых распространенных жизненных ситуаций относительно разрешений.

Речь идет о ситуациях с функционированием правоотношений в субординационной системе определенного типа. Простейшим их примером является обращение к прямому или непосредственному начальнику «Разрешите войти/идти/обратиться и т. д.?».

Что здесь означает обращение за разрешением? Это, по сути, просьба ввести

ограничение на запрет. В данном случае это некий общий запрет — «входить запрещено». Но при этом есть нормы, предоставляющие некоторому субъекту власть ограничивать общий запрет. Поэтому более точно норма звучит как «(без разрешения) входить запрещено (не входить)». Но что значит обращение «разрешите»? Это можно понимать как вопрос о разрешении. Но в какой сфере? Здесь и проявляется двойственность. Это либо сфера, которая урегулирована правом в данном вопросе или же им не урегулирована.

Конечно, предпосылки для однозначного ответа нами уже заданы — эта сфера урегулирована правом. Это общий запрет — «(без разрешения) не входить». Но подобная предпосылка может быть неочевидной, не заданной явно, поэтому и ответ, например, ответ «не разрешаю» также допускает двойственное толкование.

Первое толкование фразы «не разрешаю» — нет разрешения, нет запрета, нет обязывания, т. е. поведение «входить» («не входить») вообще правом не урегулировано. А надпись «без разрешения не входить» не репрезентирует правовое предписание, но репрезентирует нечто иное, не относящееся в данной ситуации к сфере правового регулирования, например, взгляд на собственную значимость автора надписи.

Второе толкование фразы «не разрешаю» означает, что уполномоченный субъект (адресат обращения) не ограничил действие общего запрета относительно спрашивающего субъекта (в данное время и т. п.). Иными словами, «не разрешаю» означает продолжение действия общего запрета.

Но допустима ли подобная схема относительно иных нормативных регуляторов? Например, вместо того чтобы признавать выражения «не запрещено» и «не обязательно» **описаниями** отсутствия норм права, мы сделаем оговорку и все же наделим их статусом норм *de re*.

Думается, что в данном случае это вопрос о сочетании правила и исключений из него. Это вопрос: есть ли смысл в исключениях, нивелирующих правила (или в правиле, фактически отменяемом значительным количеством исключений).

Думается, что в нашем случае ситуация с исключениями неуместна, поскольку именно в поисках нормативности разрешений мы производили преобразования их в иные операторы. Когда же мы в результате

преобразований получили описания, потеряв нормы, то мы снова вводим нормы простой оговоркой. Думается, что такой подход сам по себе не позволяет сделать выводы о нормативности разрешений.

Список библиографических ссылок

1. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М.: Юристъ, 2000.
2. Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2001.

© Попов В. В., Астахова И. А., Черашева А. Н., 2015